

К ПРОБЛЕМЕ КИМВРОВ, ТЕВТОНОВ И КЕЛЬТОСКИФОВ: ТРИ ЗАГАДКИ

Что касается кимвров,
то одни рассказы о них
не точны, а другие
совершенно невероятны.

Страбон

Вступление. Рубеж II – I вв. до н. э. был переломным моментом в истории Европы. Начиналась „перестройка” Римской республики, делались самые первые шаги на пути к постепенному превращению ее в Империю. Одним из таких шагов было создание Гаем Марием армии нового типа: вместо ополчения свободных общинников она набирается из неимущих пролетариев, становится профессиональной, что делает ее рычагом политических переворотов. И если первоначально такие политики, как Сулла и Цезарь, а затем Август и Флавиус, будут использовать этот рычаг для утверждения личной власти, то в дальнейшем, становясь все более самостоятельной политической силой общества, армия будет все чаще превращать императоров в игрушку собственных армейских интересов. Вспомним „чехарду” солдатских императоров III в. н. э. и один из эпизодов, когда сенатор Деций был вынужден объявить себя императором по требованию солдат, угрожавших ему в противном случае смертью [Zosim, I, 21, 22; Zon., XXII, 19].

Кстати, Цезарь, по сути дела, основоположник нового строя, был родственником Марии и начинал свою политическую карьеру речью на похоронах своей тетки Юлии, жены Марии [24, с. 42].

А в это же время на востоке начинал свою деятельность Митридат Евпатор, ставший в 120 г. до н. э. царем Понта, царства, уже владевшего почти всей Малой Азией и усилиями Митридата вскоре превратившегося в мощную циркумпонтийскую державу [15]. В Северном Причерноморье понтийскому царю пришлось столкнуться в 109 г. до н. э. с новой, „массагето-роксолано-аорсской” волной движения сар-

матских племен на запад [13] и удалось включить их в орбиту своей политики.

Митридат мечтал объединить людские ресурсы варваров Причерноморья и финансовые возможности греческих полисов, напасть на Италию через Подунавье, подключив силы тамошних варваров, и, сокрушив Рим, остановить тем самым его „безудержную агрессию”. Удалось осуществить ему лишь первую часть замысла.

В тот момент, когда все эти события назревали, с севера на Рим обрушились полчища кимвров и тевтонов. Первое столкновение произошло в 113 г. до н. э. В Риме „вести о количестве и силе наступающих войск вызвали сначала недоверие, но впоследствии они оказались преуменьшенными сравнительно с действительностью. На самом деле двигалось 300 тысяч вооруженных воинов, и, по рассказам, толпы детей и женщин шли вместе с ними еще в большем числе – они нуждались в землях, чтобы было где прокормить такое множество” [Plut., Mar., XI].

От результатов этого нашествия зависел и весь дальнейший ход европейской истории, и мы не знаем, как бы она повернулась, если бы обновленной армии Марии (а одним из стимулов ее создания и была, очевидно, угроза варварского вторжения) не удалось разбить кимвров и тевтонов в 102 и 101 гг. до н. э.

Историки античности обычно не придают большого значения этим событиям, видят здесь скорее ряд пограничных инцидентов и вообще, на наш взгляд, несколько недооценивают „варварский фактор” в истории античности, потому что события в самом Барбарикуме слишком скупо освещены письменными источниками и могут

быть реконструированы лишь с привлечением данных археологии. Но „безгласные“ археологические материалы дают не слишком много однозначных возможностей для исторических реконструкций, и археологи зачастую не рискуют включать свои наблюдения в исторический контекст. Попытку преодолеть в какой-то мере этот недостаток на примере событий рубежа II – I вв. до н. э. мы и хотели бы предпринять, сознавая степень гипотетичности наших построений.

При знакомстве с соответствующими данными письменных источников и археологии сразу возникают три вопроса, три загадки, на которые нам и предстоит попытаться найти ответы.

Загадка первая: почему кимвры и тевтоны не захватили Рим, что удалось двумя веками раньше кельтам? Вряд ли последние превосходили новых пришельцев умением воевать и явно уступали им в численности. Триста тысяч воинов – сила огромная, не сопоставимая ни с одной армией того времени: тридцать римских легионов периода расцвета Империи насчитывали лишь около половины этого количества.

Приглядевшись к последовательности действий и маневров кимвров и тевтонов [Strabo, VII, 2, 1, 2; Appian, Celtica, 13; Oros., 5, 6; Plut., Mar., XI, XXIII – XXVII], нетрудно убедиться, что они выглядят по крайней мере странно и нелогично, если бы целью варваров был захват Италии, как это утверждают Плутарх [Plut., Mar., XI] и Анней Флор [Flor., I, 38].

Первыми, на кого напали кимвры, стали племена кельтов-бойев, живших в Герцинском лесу, на территории современной Чехии, куда они были вынуждены выселиться, будучи изгнанными римлянами 80 лет назад (192 г. до н. э.) из Италии. Направляясь на Рим, бойев, казалось бы, лучше иметь союзниками и проводниками. Да и военную силу бойи, вероятно, представляли собой немалую, поскольку им удалось отбить нападавших.

Кимвры, отбитые бойями, двинулись к югу, вниз по Дунаю, в страну кельтов-скордисков, обитавших в районе Железных

ворот и в низовьях Савы и Дравы. Не исключено, что поход скордисков в 119–118 гг. до н. э. на юг Балкан был вызван именно нападением кимвров [73, с. 155; 74]. Но северные варвары не остались в стране скордисков, повернули на запад, попали в Альпы и напали на кельтов-нориков. Здесь, у Норей, в 113 г. до н. э. они разбили римское войско консула Папирия Карбона, и им открывался путь в беззащитную Италию, поскольку основные силы римлян были заняты в войне с нумидийским царем Югуртой в Африке. Но тевтоны ушли в Галлию, присоединив по дороге кельтов-гельветов. Одни источники при описании этой части походов говорят о тевтонах (Аппиан), а другие – о кимврах (Страбон, Плутарх). Так что, где и когда произошло соединение сил этих племен, сказать трудно. Вероятно, еще до нападения на бойев.

Выйдя в верховья Роны, варвары еще раз в 109 г. до н. э. разбили римлян, а в 105 г. до н. э. нанесли сокрушительный удар войскам римских полководцев Сервилия и Моллия при Араузоне в низовьях Роны. Опять открывался путь на Рим, но кимвры, тевтоны и присоединившиеся к ним кельты-амброны ушли в Галлию. Разделившись на два отряда, они завоевали ее почти целиком, дошли до района Тулузы, вторглись и в Испанию, затем в 102 г. до н. э. опять соединились в Галлии для войны с белгами, жившими на Марне.

Марий тем временем успел завершить в 109 г. до н. э. Югуртинскую войну и, будучи избранным в 107 г. до н. э. консулом, начал реорганизацию армии. В 102 г. до н. э. новая римская армия вступила в Галлию и, измотав маневрами тевтонов и амбронов, заставила вступить противника в битву на невыгодных для него позициях под Аквами Секстиевыми около Марсалии (совр. Марсель). Варвары были разбиты полностью. Кимвры же в это время совершали обходной маневр и, перейдя заснеженные Альпы, вышли в тыл к Марию, но остановились под Верцеллами, дожидаясь тевтонов. Вместо них в Италию вернулся Марий с победоносной армией и

в 101 г. до н. э. разбил и вторую группировку. Только в плен было взято 60 тысяч, а погибло еще больше [Plut., Mar., XXVII].

Из цепи событий, изложенных выше, становится ясно, что у кимвров и тевтонов не было намерения нападать на Италию.

В бой с римлянами они вступали лишь в тех случаях, когда им преграждали путь в Галлию, и лишь на вторжение Мария в уже захваченные варварами кельтские территории последовал ответный удар. Целью кимвров и тевтонов было, очевидно, завоевание и подчинение Кельтики, что они в основном и осуществили. Их маневры могли объясняться, вероятно, расстановкой политических сил в Кельтике, к сожалению, нам не известной. Тяжелые поражения под Аквами Секстиевыми и Верцеллами свели на нет усилия кимвров и тевтонов обосноваться в Кельтике.

До сих пор не удавалось найти никаких прямых археологических свидетельств пребывания кимвров и тевтонов ни в Галлии, ни в приальпийских областях, ни на Среднем Дунае. Мы не знаем ни погребений, ни поселений этих племен, что не удивительно: за 12 лет их должно было отложиться сравнительно немного, и нужна особая удачливость, чтобы остатки хотя бы одного памятника были найдены археологами. Такого пока не случилось. И тем не менее косвенные археологические свидетельства походов кимвров и тевтонов имеются.

Кельтские племена, заселявшие почти весь треугольник от Британии и Атлантики до Закарпатской Украины, были носителями высокой и достаточно единой латенской культуры, переживавшей на протяжении веков ряд этапов, или „ступеней”. По времени именно с кампаниями кимвров и тевтонов совпадает смена в латенской культуре ступени C_2 ступенью D_1 . Абсолютная дата этого перехода определяется дендрохронологическим анализом бревен моста около поселения в Тилле (Швейцария): деревья были срублены между 120 и 116 г. до н. э. [53, s. 127–129; 52]. Близкую дату дает и дендрохронология деревьев из укрепления Эхранг на Верхнем Рейне – 97 г. до н. э. [68]. Имеются и некоторые

другие подтверждения этих датировок [70, p. 27–29], хотя складывается впечатлительное, скорее интуитивное, что трансформация латенской культуры началась несколько раньше, и не исключено, что нападение кимвров и тевтонов на Кельтику было реакцией на начавшиеся там социально-экономические перемены, стимулированные затем и неудачным, в конечном итоге, падением кимвров и тевтонов.

На ступени D_1 в Кельтике повсеместно строятся протогородские центры – оппидумы. Процесс этот начался еще на ступени C_2 [45, с. 49–57], но теперь их количество стремительно возрастает по сравнению с предшествующим периодом [33; 78, рис. 3]. Происходит „вторая кельтская революция”, выражающаяся в изменении самой структуры кельтского общества: на смену военизированной организации и институту царской власти приходят ранние олигархические предгосударственные образования [26, с. 191–210].

Любопытный факт. При большом количестве укрепленных оппидумов с достаточным многочисленным населением мы знаем лишь очень небольшое количество синхронных погребений и лишь в отдельных районах Кельтики: старые кельтские традиции погребений с колесницами сохранились на среднем Рейне, в восточной Франции и в Британии, а немногочисленные трупосожжения зафиксированы на Мозеле и в Тюрингии [45, с. 62–65]. Но в значительной части Кельтики, особенно в южной Германии, Швейцарии, Чехии, Моравии и частично во Франции, полностью исчезают погребальные памятники [45, с. 48, 65]. Распространяются зато так называемые Viereckenschanzen, странные подквадратные сооружения в виде рвов со следами жертвоприношений, имеющие в некоторых частях Кельтики (например, в Шампани) и более древнюю традицию [75, с. 63; 78; 43]. Практически повсеместно кельты переходят к погребальным обрядам, безусловным археологически, поскольку совершались они на поверхности. Покойников могли сжигать и развешивать пепел, помещать в деревянные „домики мертвых”, оставлять на

специальных платформах или просто на поверхности земли, подвешивать на деревьях и тому подобное. В этнографии такие случаи хорошо известны у разных народов мира.

В этой связи неожиданно новое звучание приобретает один из пассажей Плиния Старшего, на который обратил наше внимание Д. А. Мачинский: „В древности самым явным признаком победы считалась передача побежденными зеленого стебля. Она означала отказ от обладания землей, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле: этот обычай, как я знаю, до сих пор сохранился у германцев” [Plini, XXII, 8].

Мы не знаем в деталях, как складывались отношения кимвров и тевтонов с кельтами, но очень похоже на то, что значительная часть кельтов была вынуждена отказаться от права „пользования производящей и питающей силой почвы”, совершив, вероятно, определенные обряды и принеся богам соответствующие клятвы. Мы не знаем, сохранялась ли какая-то форма зависимости кельтов от победителей после поражения последних под Аквами и Верцеллами, но клятвы, возможно, сохраняли силу*.

С началом новой ступени D₁ в материальной культуре кельтов получают распространение некоторые новые типы вещей.⁸ Появляется расписная красно-белочерная керамика (рис. 1: 8) [38], на мечах наряду с изогнутыми колоколовидными гардами появляются прямые перекрестья (рис. 1: 10), круглые умбоны щитов сменяют подпрямоугольные (рис. 1: 7), впервые начинают употребляться шпоры. Меняется мода на фибулы, они становятся короче, с круче изогнутой спинкой. Частично используются новые варианты прежней среднелатенской конструкции – D/E, G/H по классификации Й. Костшевского

(рис. 1: 1, 13, 14) [57] и близкий G/H вариант J по Р. Бельцу (рис. 1: 2) [31] с более сильно изогнутой спинкой, а также вариант I-Костшевский, называемый еще лангобардскими фибулами (рис. 1: 20). Но широкое распространение получает и новая, позднелатенская конструкция фибул с рамчатым приемником: наухаймские (рис. 1: 3, 23) и длинные проволочные Альмгрен-15, сравнительно, правда, редкие (рис. 1: 17); с ложечковидной головкой варианта J-Костшевский (рис. 1: 4, 21); коленчато-изогнутые подтреугольные K-Костшевский (рис. 1: 16). Такая же коленчатость характерна для варианта F (рис. 1: 15), но эти фибулы среднелатенской конструкции, и для варианта L (рис. 1: 22), имеющего спинку с прогибом. К концу периода появляются фибулы типа Лаутерах Альмгрен-18 и Альмгрен-65 (рис. 1: 5, 6, 9) [28] – прототипы будущих застежек римского времени.

Все эти типы вещей в разных пропорциях представлены как в самой латенской культуре кельтов, так и их северо-восточных соседей от Рейна до Скандинавии, Западного Буга, Днестра и Днепра. Археологические культуры, соответствующие этому населению, объединяют в культуры позднего предримского времени [50], получившие название „латенизированных” [45]. Иногда эти культуры называют также „северо-европейским латеном” [70], или „третьим миром” древней Европы [27]. Процесс кельтского культурного воздействия и влияния на северо-восточных соседей, начавшийся за 100 лет до походов кимвров и тевтонов, процесс „латенизации” [1], продолжается.

По общим формам фибул ступень D₁ латенской культуры синхронизируется с фазой „с” или с „ранней частью средней фазы” позднего предримского времени [50, Taf. 1; 4], хотя мы и не знаем, насколько совпадают их хронологические границы. В отличие от латенской культуры мы почти не имеем для памятников латенизированных культур прямых привязок к абсолютной хронологии.

До сих пор остается неясным происхождение позднелатенской конструкции фибул. И. Вернер предположил происхождение

* Правда, при такой интерпретации необъяснимым остается отсутствие погребений ступени D₁ в стране бойев, отбывших кимвров и тевтонов – т. е. в Чехии и Моравии. Но, возможно, несколько позднее и они были вынуждены подчиниться.

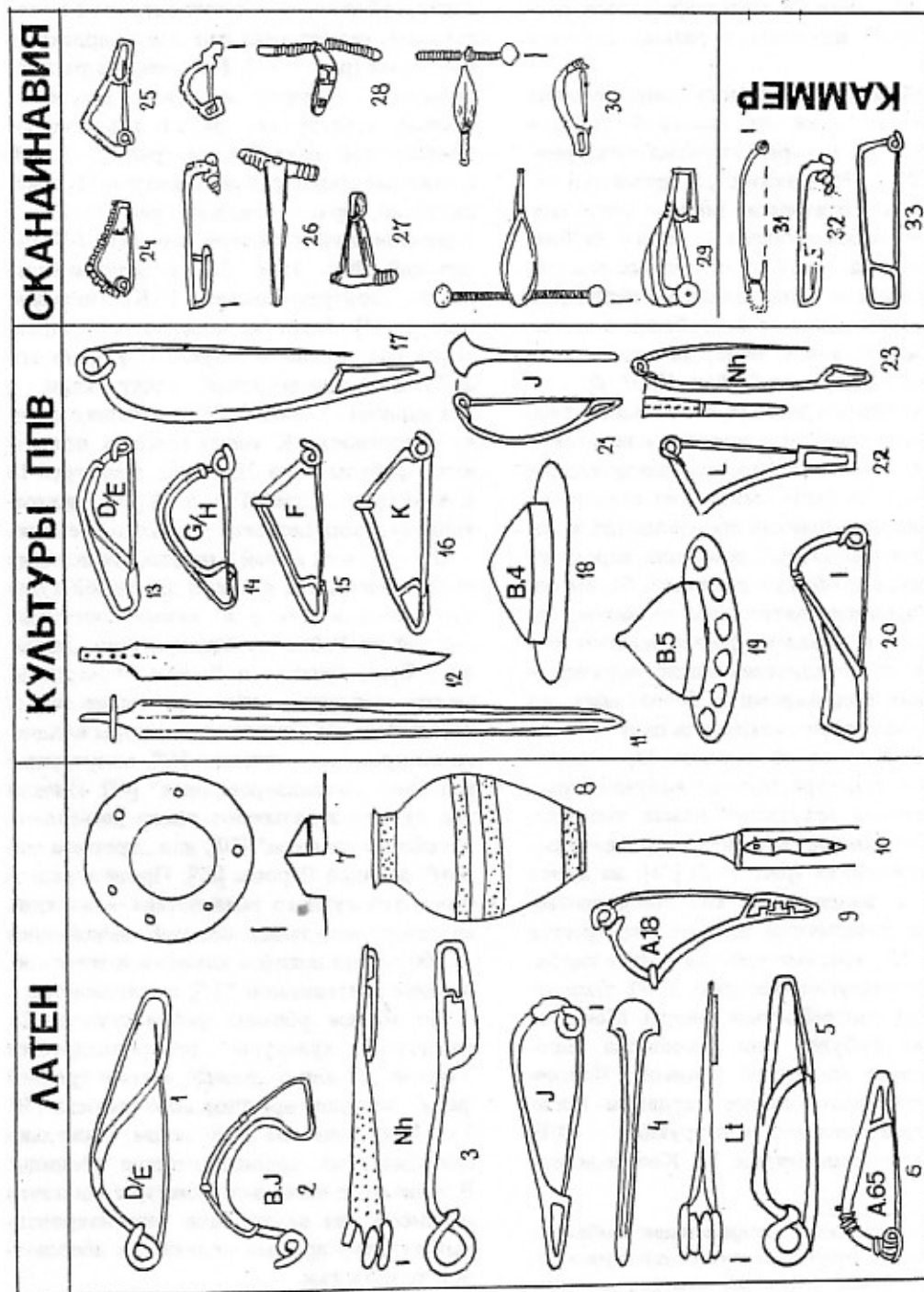

Рис. 1. Хронологические индикаторы латена D₁ и фазы „с” позднего предримского времени (по Дж. Коллису, К. Голловскому и Р. Хамману).

наухаймских от североиталийских типа Ченизола с вариантом Виль [79], однако в связи с произошедшими после длительной дискуссии изменениями хронологии латена из-за передатировки времени разрушения опидума Манхинг [45, с. 61–62; 70, р. 18–30, 259–270] североиталийские фибулы оказываются скорее синхронными ранним наухаймским, чем их прототипам.

Но рамчатые приемники мы знаем и на некоторых фибулах латенизированных культур, например, на фибулах типа Каммер (рис. 1: 31–33), типа Веннштедт (рис. 1: 26) из Позльбья [50, табл. 2: 41, 42, 45; 3: 1] и на серии разнообразных фибул из Скандинавии (рис. 1: 24–30), в том числе типа Хельмсхаген с длинной пружиной (рис. 1: 28) [50, табл. 2: 28, 29; 3: 2, 13, 15, 18]. Причем фибулы типа Каммер относятся еще к ранней фазе позднего предримского времени [50, табл. 1], синхронной латену C_1 и C_2 [4].

Хронологическая позиция скандинавских фибул не очень ясна, нам неизвестны работы, где бы они специально рассматривались. К. Годловский вслед за Х. Хингстом считает тип Хельмсхаген показателем фазы Пс, синхронной фазе „с” Р. Хахмана [45, с. 129], замечая, однако, что у Р. Хахмана эти застезки занимают несколько более раннюю хронологическую позицию, нежели фибулы варианта J-Костшевский. Возможно, при внимательной проработке можно будет показать, что „позднелатенская” конструкция появляется в латенской культуре с севера, вместе с походами кимвров и тевтонов. Само привычное название „позднелатенские” тогда окажется не очень удачным.

В связи со сказанным выше возникает *вторая загадка* кимвров и тевтонов: откуда появились эти варвары и почему археологи не могут найти следов их передвижений?

Обратимся к источникам. Страбон пишет, что „причиной превращения их в кочевников и разбойников было то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ сильным приливом, когда жили на полуострове. Они и теперь живут в той же области, которой владели раньше, и посы-

лали Августу в дар свой самый священный котел” [Strabo, VII, 2]. Плиний называет Ютландский полуостров, современную Данию, полуостровом кимвров [Plini, IX, 96]. Плутарх же сообщает: „...о них было неизвестно, что это за люди или откуда они надвинулись и, как туча, напали на Галлию и Италию. По большей части предполагали, что это германские племена, расселившиеся вплоть до Северного океана: у них высокий рост и голубой цвет глаз...” [Plut., Mar., XII].

Нет особых оснований не доверять этим источникам. Обычно их трактуют однозначно: кимвры вышли с территории Дании, по Эльбе или Одере поднялись до мест расселения бойев на территории современной Чехии, а далее последовали известные события. И кимвры, и тевтоны при этом считаются германцами (например, [39, с. 196–197]). Однако на деле ситуация сложнее. Во-первых, во времена Страбона (на рубеже новой эры), Плиния (вторая половина I в. н. э.) и Плутарха (II в. н. э.) германцы были хорошо известны римлянам: под этим именем выступали все племена к северу от верхнего и среднего Дуная и к востоку от Рейна, вплоть до Балтики и Скандинавии. Но иначе обстояло дело на рубеже II–I вв. до н. э. Современник нашего времени, Посидоний из Апамен, побывавший и в Галлии, не называет кимвров и тевтонов германцами. Для него германцы — это лишь небольшое племя, живущее в верховьях Рейна и имеющее странный обычай запивать жареное мясо смесью молока с вином [39, S. 40–41].

Ф. Шлетте, специально исследовавший все свидетельства источников о первых упоминаниях германцев, пришел к выводу, что до галльских войн Цезаря термин „германцы” не был известен или был малоупотребителен и лишь после этого стал саморазумеющимся. Все же предшествующие упоминания у Пифея, в источниках о восстании Спартака, являются или более поздними вставками, или фальсификатами, как, например, акт о триумфе Клавдия Марцелла 222 г. до н. э. [69, S. 11].

Совместными же усилиями лингвистов и археологов установлено, что на территории между Рейном и Дунаем на рубеже эр обитали группы населения, ставшие впоследствии как прямыми предками современных германцев, так и представителями неких „третьих” народов „между кельтами и германцами”, остатки прежнего индоевропейского населения [51]. Кстати, парадоксальным образом в зону „третьих” народов попадают и германцы Посидония [70, р. 32–33].

Во-вторых, замечено, что кимвры и тевтоны выступают в сильно кельтизированном виде [77]. Их вожди носят кельтские имена – Бойорикс, Кезарикс, Лугиус. Серторий, служивший под началом Мария, собираясь в разведку во вражеский лагерь под Аквами Секстиевыми, учил кельтский язык и одевался по-кельтски [Plut., Sert., III]. Кимвры и тевтоны, как и кельты, сражались полуобнаженными и имели кельтское вооружение – шлемы, украшенные изображениями животных, тяжелые длинные мечи и большие щиты. Кимвры, переходя Альпы, „взбирались на вершины гор по глубокому снегу и льду, а оттуда, подложив под себя щиты, стремительно неслись по скользкой крутизне” [Plut., Mar., XXIII]. У более поздних германцев, а также обитателей северной Европы позднего предримского времени щиты сравнительно небольшие, круглые или овальные, с выпуклым умбоном. На таком щите с горы не съедешь. А вот кельтские большие щиты типа „тюреос” с продольным ребром и почти плоским умбоном вполне могли послужить и санками.

Вряд ли северные варвары успели так сильно кельтизироваться за 12 лет непосредственных контактов с кельтами-гельветами и амбронами. Вернее будет предположить, что кимвры и тевтоны были выходцами из уже кельтизированного, латенизированного „третьего мира” древней Европы [27].

В-третьих, если бы даже все население древней Дании выселилось на рубеже II–I вв. до н. э., там вряд ли набралось бы 300 тысяч воинов. Да и не заметно каких-

либо кардинальных перемен ни в материальной культуре Ютландии, ни на предполагаемых путях движения кимвров и тевтонов. Перемены есть – в Ютландии приблизительно в это время начинается период IIIa по К. Беккеру [30, S. 290–291], в остальном кругу латенизированных культур ранняя фаза сменяется средней [50, S. 290], или фаза „b” – фазой „c” [4]. В губинской группе междуречья Одера и Нейсе фаза II сменяется фазой III [41; 42], в шеворской A₁ на A₂ [37, с. 59], в северо-восточной Чехии группа Боденбах-Подмоклы сменяется группой Кобылы [75]. Но все эти перемены не столь существенны, чтобы предполагать передвижения огромных масс населения.

Более подходящей была бы ситуация на 100 лет раньше, когда происходило образование всего цикла латенизированных культур – началась стадия Рипдорф ясторфской культуры, в ней возникли группы Боденбах-Подмоклы и губинская, сложились культуры шеворская, оксывская, зарубинецкая и поянешти-лукашевская. Заметно в этих процессах и участие групп населения скандинавского происхождения [1; 5; 7; 11; 12; 29; 37; 47; 62; 70].

Все эти культуры от Балтики до Карпат, Днепра и Дуная, при наличии определенных различий, обладают и общими чертами: их носители пользуются фибулами и оружием кельтского образца, у них исключительно лепная керамика (лишь иногда используется поворотная подставка), чернолощенная или нарочито ошершавленная – „хрповатая”, они хоронят своих сородичей в больших могильниках и почти исключительно по обряду трупосожжения. Эти общие черты заметно отличают их от соседей – кельтов, гето-даков, сарматов и скифов, а также от жителей лесной зоны Восточной Европы.

Результатом тех же процессов, которые привели к сложению круга латенизированных культур, было появление в Причерноморье бастарнов и скиров, позднее причисленных к германцам, хотя при первых упоминаниях этот этноним по отношению к ним, естественно, не применялся: Тит Ли-

вий называет бастарнов галлами (например, [Liv., XXX, 5, 10]).

Мы не будем сейчас останавливаться подробно на всех деталях этих событий, потому что многие из них уже обсуждались в литературе, а мы надеемся специально посвятить проблеме бастарнов и скиров одну из следующих статей.

Поскольку исходный район движения носителей латенизированных культур не очерчивается четко, а охватывает обширные пространства междуречья Эльбы и Одера, Ютландию и, возможно, острова Балтийского моря [1], нельзя исключить, что два этнонима, донесенные до нас письменными источниками (бастарны и скиры), не исчерпывали числа всех участников движения. В результате остается предположить, что выселение кимвров и тевтонов или их предков и родственников могло произойти не непосредственно перед нападением на Кельтику, а значительно раньше. В сознании античных авторов (или их информаторов) могла произойти контаминация данных о близких им реальных событиях со свидетельствами о выселении с прародины, сохранившимися в виде легенд и сказаний, которые римляне вполне могли слышать от многочисленных кимвров и тевтонов, попавших в рабство. Возникает ситуация, где-то напоминающая более позднюю историю с готами и записанными Аблавием и Иорданом легендами об их выселении из Скандинавии.

Третью загадку составляют сведения Посидония, цитируемые Страбонам и Плутархом. Историки и археологи редко к ним обращались, уж очень они казались несуровыми и фантастическими. Страбон пишет, что кимвры „совершали походы даже до области Меотиды” и что греки называли кимвров киммерийцами [Strabo, VII, 2, 2]. Созвучны и данные Плутарха: „Кельтика такая обширная и большая страна, что она от Внешнего океана и холодных краев идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией. Именно оттуда, где смешались эти племена, они выселились не одним непрерывным натиском, но каждое лето, двигаясь все вперед

и воюя, прошли материк за большой промежуток времени. Поэтому, хотя они делились на много частей с разными названиями, все их войско в совокупности называлось кельтоскифами... Те киммерийцы, которые в древности впервые стали известны грекам, были не большей частью своего народа, а только группой беглецов... Самые же многочисленные и воинственные из них живут на краю света, у Внешнего моря и занимают тенистую и лесистую землю... вплоть до Герцинского леса... именно оттуда возникло наступление на Италию этих варваров, называвшихся сначала киммерийцами, а потом очень кстати кимврами”* [Plut., Mar., XI].

Чуть выше Плутарх пояснял, что „кимврами германцы называли разбойников”. В этой связи возникает мысль, не скрывается ли за этим названием понятие не столько этноплеменное, сколько этносоциальное, наподобие „викинги” более позднего времени.

Тогда логика этого, кажущегося с первого взгляда запутанным, пассажа становится яснее. К Посидонию, а через него к Страбону и Плутарху, очевидно, поступала противоречивая информация. С одной стороны, кимвры вышли из северных краев Европы, с другой – они начинали движение откуда-то с востока, от Меотиды, из Скифии. Нетрудно заметить, что область, в которой расселяет кимвров-киммерийцев Плутарх, в общем и целом совпадает с зоной распространения латенизированных культур [3] – между Балтикой, Герцинским лесом и Меотидой, в широком понимании этого термина, как всего Причерноморья. В ее восточной части происходит смешение кельтов (носителей латенизированных культур) и скифов.

Скифы во времена Плутарха обитали в степном и предгорном Крыму и в Нижнем Поднепровье (Припонтйская Скифия). Плутарх, конечно, читал Геродота и знал, что скифы пришли в Причерноморье с востока, потеснив киммерийцев, на-

* Отрывок приведен в переводе Б. Н. Гракова.

род тоже подвижный и воинственный. Неудивительно, что все нескифское население Восточной Европы он, исходя из распространенных представлений обыденного сознания об этносах и созвучия названий, мог считать потомками киммерийцев.

Таким образом, если принять гипотезу, предложенную выше, при решении второй загадки, и представить, что в нападении на Кельтику и Рим приняло участие все население „третьего мира” (отсюда и огромные размеры армии), то кажущиеся странными и несуразными свидетельства Посидония, Страбона и Плутарха будут выглядеть не столь уж фантастическими. Полчища варваров, вероятно, состояли из носителей ясторфской культуры и ее периферийных групп, в том числе и северных, а также из выходцев с территорий других латенизированных культур – оксывской, пшеворской, поянешти-лукашевской и, возможно, зарубинецкой. Территории последних двух культур, кстати, могли быть затронуты массагето-роксолано-аорсской волной движения кочевников, что создавало дополнительный стимул для переселения.

Что касается самих кимвров и тевтонов, то они в этом мероприятии могли составлять лишь небольшую часть, быть организующей силой и действительно выйти из Северной Европы – Ютландии или Скандинавии. Может быть предложена и расширенная, этносоциальная «трактовка терминов „кимвры” и „тевтоны”, вроде более позднего понятия „викинги”, и тогда поиск их прародины становится излишним.

Некоторые археологические свидетельства передвижения отдельных групп населения в пределах „третьего мира” прослеживаются как накануне кампаний против Кельтики, так и одновременно с ними, хотя отсутствие надежных привязок к абсолютному счету времени тех изменений в материальной культуре варваров, которые фиксируются лишь в виде периодов относительной хронологии, весьма затрудняет реконструкцию последовательности событий.

Попробуем проиллюстрировать некоторые детали процессов, происходивших в „третьем мире”, примерами из археоло-

гии, сделав предварительно еще одну оговорку.

Основная сложность сопоставления данных истории и археологии заключается в разной природе используемых дат. Если в истории каждая дата – это некая точка во времени, указываемая с точностью до года или дня, то археологи вынуждены пользоваться для датировок приблизительными интервалами, в лучшем случае длительностью в 20–30 лет, зачастую в полстолетия, а иногда в столетие или два – временем бытования того или иного типа вещей, длительностью ступеней или фаз относительной хронологии. На интервал археологической даты могут прийти два или три исторических события, связь с которыми будет приблизительно равновероятной. Например, явления, датированные среднелатенскими фибулами варианта В-Костшевский, могут относиться как ко времени передвижений бастарнов, так и ко времени кимвров, а события, фиксируемые по распространению фибул К или J по Костшевскому, могут быть связаны как с эпохой кимвров и тевтонов, так и с более поздними событиями времен Цезаря и Ариовиста. По дополнительным данным (сочетание вещей в комплексах друг с другом) иногда можно уточнить дату и предложить обоснование выбора того или иного варианта исторической интерпретации, но это возможно далеко не всегда.

Первое явление, которое следует отметить в среде латенизированных культур накануне походов кимвров и тевтонов, – это возрастание активности носителей оксывской и пшеворской культур, расположенных на территории Польши. В это время происходит окончательное оформление классического облика этих культур – сильно военизированных, с массой оружия в погребениях, что подтверждается рядом исследований [44; 54]. В пшеворской культуре происходит переход от фазы А₁ к фазе А₂ (рис. 2), который Т. Домбровская считает возможным отнести к первым десятилетиям второй половины II в. до н. э. [37, с. 59], т. е. к 150–130 гг. до н. э. В это же время нара-

Рис. 2. Основные типы вещей фазы А₂ пшеворской культуры (по Т. Домбровской).

стает начавшееся несколько ранее „вкрапление” отдельные пшеворских групп в среду носителей ясторфской культуры на Средней Эльбе и в междуречье Эльбы и Заале (рис. 3). Здесь выявлены погребения с типично пшеворской керамикой и оружием [48, S. 156–167, рис. 2; 64, 65; 61; 37]. Благодаря своей военизированной пшеворская и оксывская культуры занимают особое место в среде латенизированных культур, и это, возможно, объясняется спецификой процесса их сложения, хотя он до конца еще и не ясен. Но очевидно, что, кроме остаточного местного населения, вероятно, состоявшего

из носителей поморской культуры, в процессе их формирования решающую роль сыграли ясторфские культурные традиции [81; 37]. Не исключено и участие в сложении новых культур небольших групп выходцев из Скандинавии [62; 37, с. 192–205] и, возможно, группы кельтов Силезии [82, с. 40–103], проникшей сюда еще в период „исторической экспансии” кельтов, в конце IV– начале III в. до н. э. В отличие от остальной Кельтики, будучи практически оторванной от нее, эта группа, видимо, сохранила социальную структуру прежней бурной эпохи. Именно от кельтов Силезии,

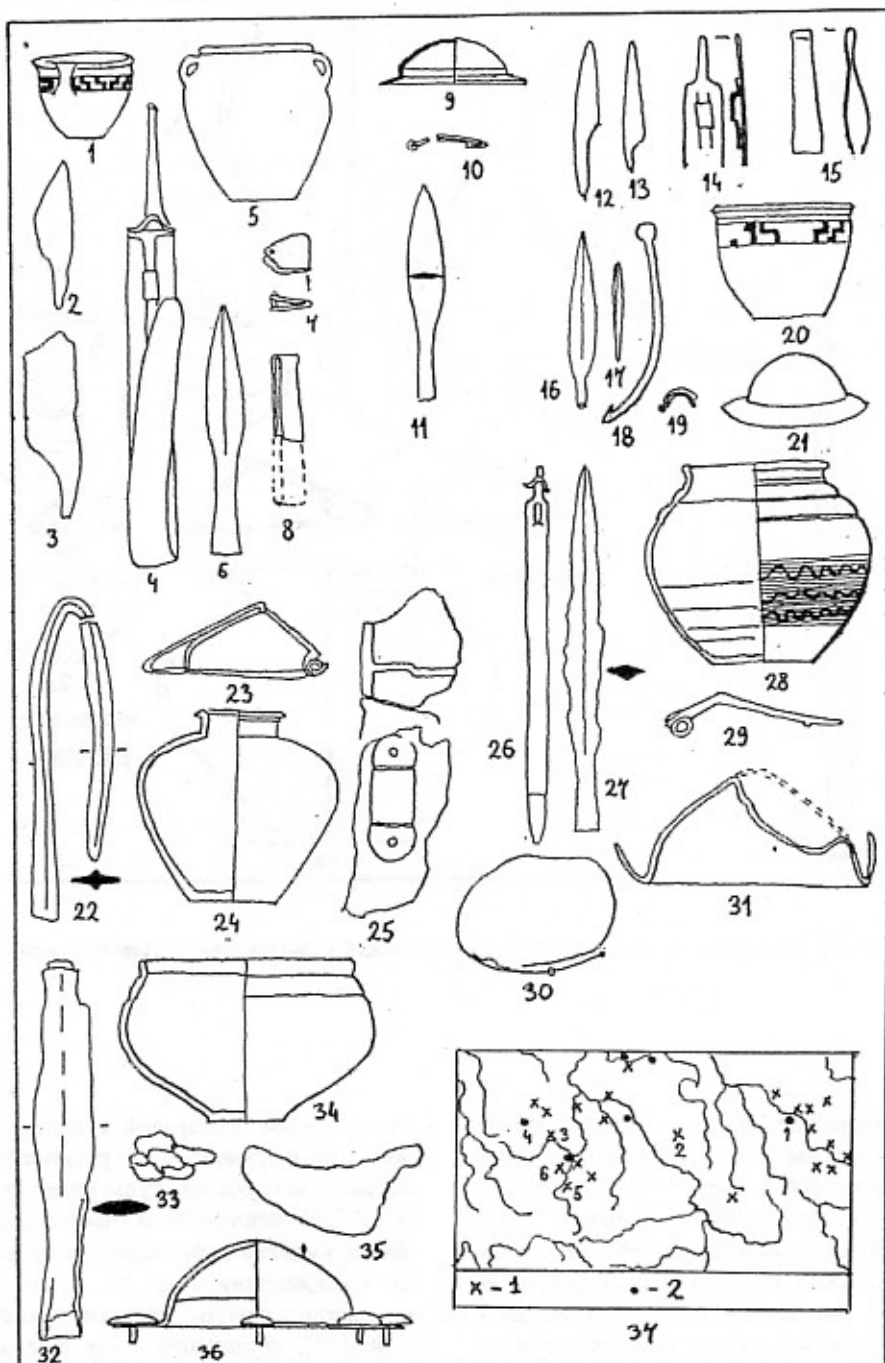

Рис. 3. Пшеворские комплексы фазы „с“ позднего предримского времени на Средней Эльбе (по К. Пешелю). 1-8 - Нососице, 9-11 - Шморкау, 12-21 - Артерн, 22-25 - Нордхаузен, 26-31 - Фрейенорла, 32-36 - Гроссромшедт; 37 - карта: 1 - находки умбонов щитов; 2 - находки мечей.

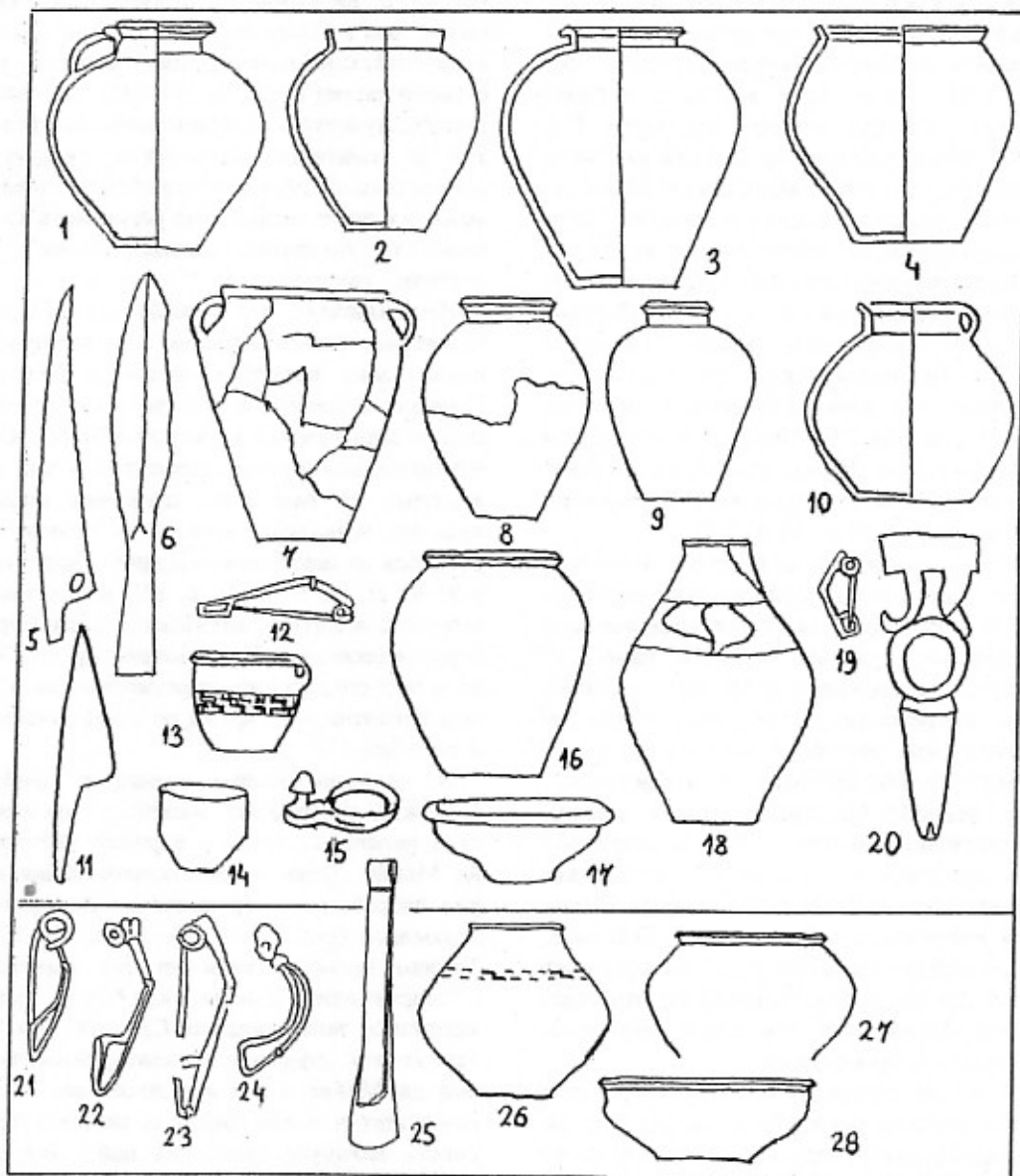

Рис. 4. Штеворские комплексы фазы „с“ позднего предримского времени на Майне (1-20) (по Р. Хахману) и штеворские элементы кобельской группы (21-28) (по Венцловой).
 1-3 - Цербст-Анкюн, 4 - Коссвиг, 5-9, 12 - Гернштедт, 10, 19, 20 - Боберсен,
 11, 13-18 - Мюсхенхайм.

скорее всего, позаимствовали пшеворцы свое вооружение, а с ним, очевидно, технику и тактику боя, как и некоторые верования (святилище на горе Шлэнза продолжало функционировать после кельтов при пшеворцах – см. [82, с. 65–75]), а также, вероятно, и социальную военизированную структуру [70, р. 42]. Тогда пшеворские находки на Эльбе можно было бы трактовать как следы, оставленные группами воинов-пшеворцев, пришедших служить вместе с семьями местному ясторфскому населению: наемничество было широко распространено в кельтской среде эпохи „исторической экспансии”. Это могли бы быть те группы воинов-профессионалов, которые, как писал Плутарх о кимврах, „наступали так, что против их храбрости и отваги нельзя было выстоять, а в сражениях они действовали руками с быстротою и силой огня” [Plut., *Mag.*, XI].

Иначе сложились отношения носителей ясторфской и оксывской культур в низовьях Одера: здесь оксывские памятники сменяют ясторфские, судя по фибулам фазы „с” позднего предримского времени в оксывских погребениях и по отсутствию их в ясторфских, это произошло как раз в этой фазе [80, S. 180, 189–190]. Носители последних, очевидно, были вытеснены, и оксывцы расширили свою территорию до естественных пределов на западе. На ясторфских могильниках в Длуге и Любошево, правда, есть погребения с фибулами F, G/H и K, диагностирующими фазу „с”, но в этих могилах нет керамики, поэтому их отнесение к ясторфским проблематично: они могут оказаться и оксывскими.

В это же время на восточных границах своих ареалов носители пшеворской и оксывской культур, вероятно, потеснили своих соседей – носителей культуры западнобалтийских курганов. Западномазурская группа этой культуры исчезает, часть ее земель приходит в запустение, а на другой возникает особая нидицкая группа, включающая элементы всех трех культур с преобладанием пшеворских и с некоторым количеством ясторфских компонентов [63, с. 301, 339–340].

Приблизительно в это же время или чуть позднее происходит „пшеворизация” ты-

нецкой группы кельтской культуры в районе Кракова. Сюда кельты проникли, скорее всего, из Моравии, причем несколько позже, чем в Силезию, уже в период „среднеевропейской консолидации” кельтов, на ступени латена C₁ [37, с. 114–123]. Впрочем, процесс культурного взаимодействия кельтов и носителей пшеворской культуры в этом регионе достаточно растянут во времени, и с определенностью установить хронологическую границу „пшеворизации” достаточно трудно.

Не исключено, что с походами кимвров и тевтонов как-то сопрягается и возникновение таких новообразований в Южной Польше, Словакии и Венгрии, как пуховская и земплинская культуры [32; 66]. Отчетливых пшеворских элементов в них не заметно, но сам факт сложения новых культур, возможно, зависел не только от перехода на левобережье Дуная скордисков в 91–85 гг. до н. э. [73, с. 155] или захватнической политики дакийского царя Бурбисты в несколько более позднее время [70], но и был подготовлен перемещениями племен накануне и во время походов кимвров и тевтонов [74].

В хронологическом горизонте фибул G/H и K пшеворское население проникает и далеко на запад – в район Веттерау на Майне. Здесь тоже открыта целая серия погребений с оружием и пшеворской керамикой (рис. 4) [49; 65; 37, с. 156–167]. Трудно сказать, были ли это выходцы с территории Польши, или сюда переместились пшеворцы со Средней Эльбы, так же как трудно установить, появились они на Майне в связи с походами кимвров и тевтонов или вместе со свевами Ариовиста накануне галльских войн. Все зависит от того, какую часть интервала бытования фибул выбрать. Погребение в Цербст-Анкюн с керамикой, характерной для пшеворской культуры фазы A₁ (рис. 4: 1–3) [37, табл. I, 1], могло бы скорее соответствовать первому варианту, а погребение из Боберсена (рис. 4: 10, 19, 20) с ажурным поясным крючком 2-й группы по Т. Фойгту [76], синхронизируемой с латеном D₂, – последнему.

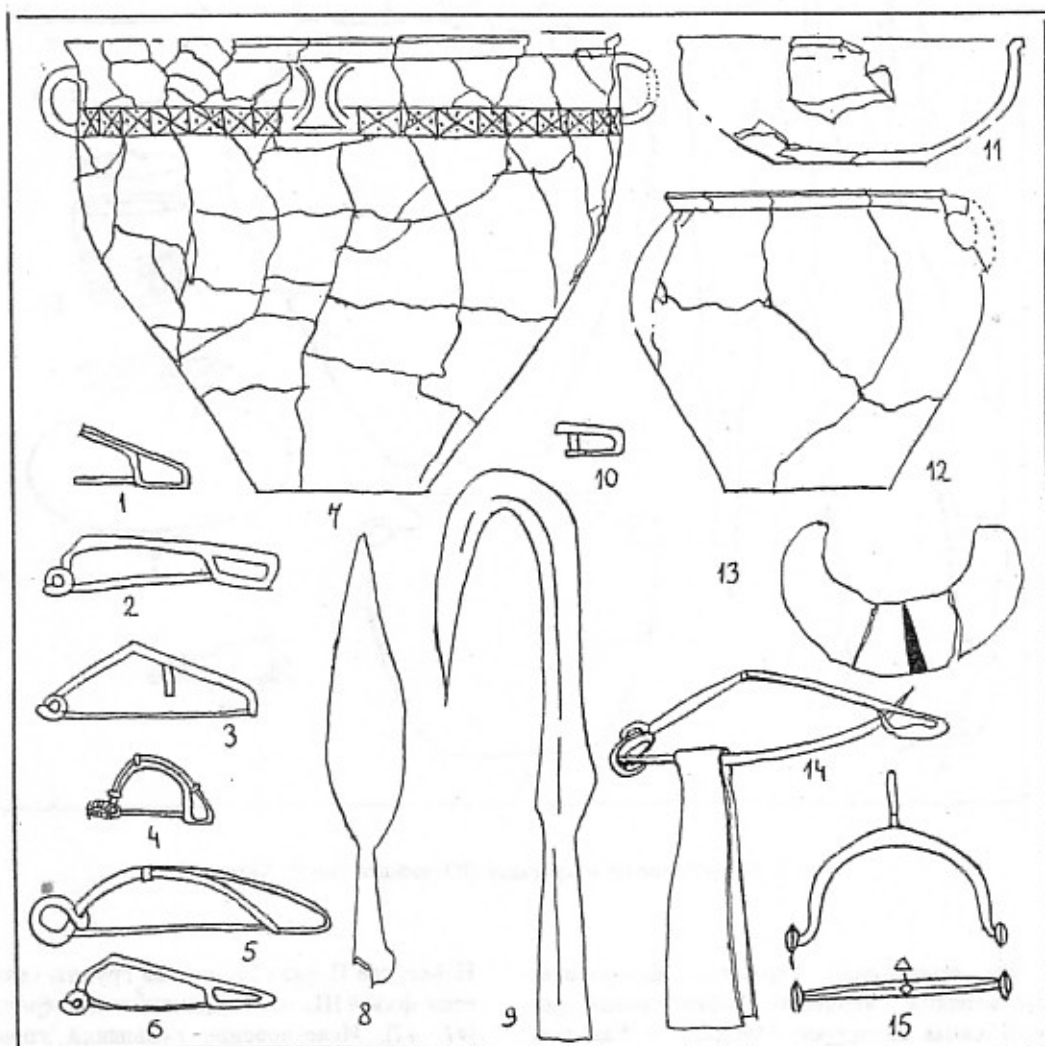

Рис. 5. Комплексы III фазы мужских и IV фазы женских погребений могильника Любошице (по В. Е. Еременко) и некоторые синхронные вещи губинской группы ясторфской культуры.

1, 7 (п. 191), 2 (п. 60), 3 (п. 165), 5 (п. 184), 10-13 (п. 68), 15 (п. 185) - могильник Любошице; 6 - Ранце; 4, 8 - Губин, 9 - Вершино, 14 - Садзаревце.

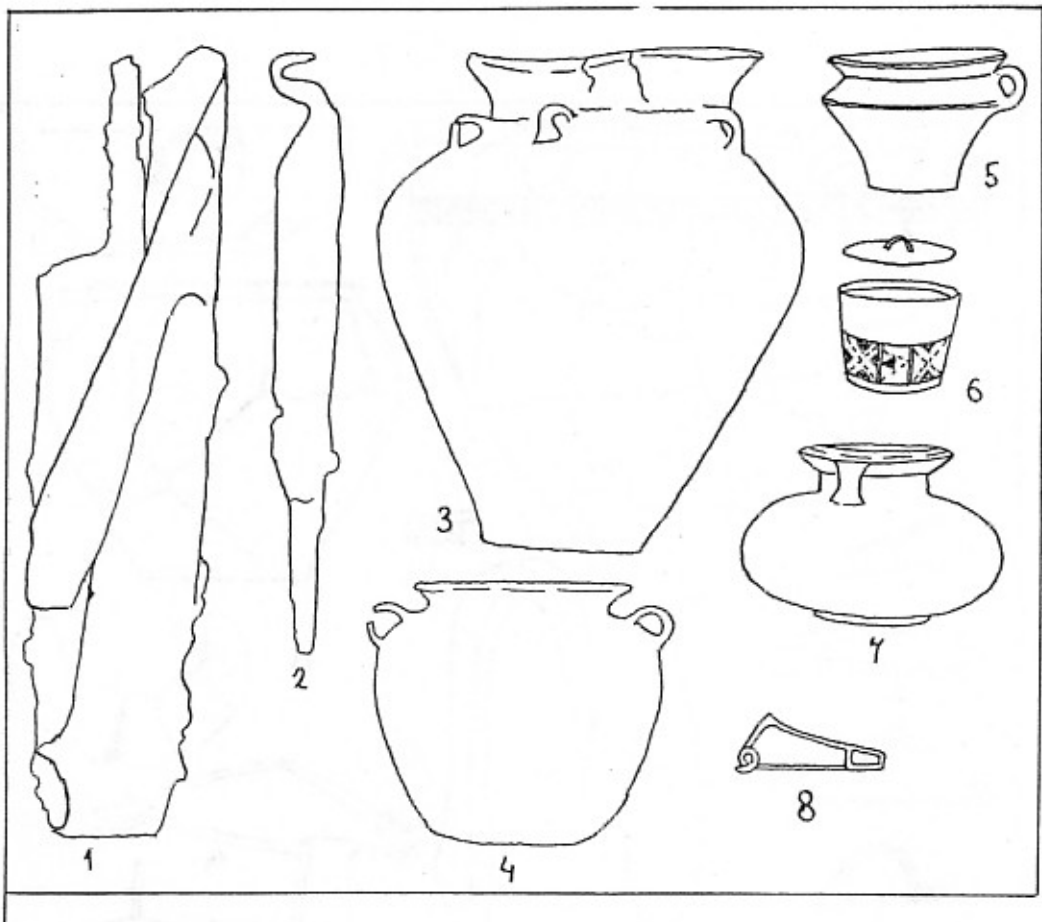

Рис. 6. Погребение 69 в Крагхеде (Ютландия) (по Р. Хакману).

На юго-западе Германии фрагменты шлеворской керамики обнаружены на кельтском оппидуме Манхинг в Баварии [58, S. 91; 71, S. 53], но опять же остается неясным, попала ли она сюда еще во время функционирования городища, или в 60-е гг. до н. э., когда оппидум был разрушен, а по соседству были заложены германские могильники Кронвинкл и Уттенхофен [70, р. 265–267].

Как уже отмечалось, определенные изменения, датируемые фибулами G/H и K-Костшевский, происходят в северо-восточной Чехии, где группа Боденбах-Подмоклы сменяется группой Кобылы (рис. 4: 21–28) [75], и в междуречье Одера и

Нейсе, где II фаза губинской группы сменяется фазой III, по Г. Доманьскому (рис. 5) [41, 42]. Исчезновение губинской группы К. Годловский склонен связывать уже с последующими событиями – с походами свевов Арновиста [46], но здесь встает та же самая проблема „растянутости” археологических дат, о которой неоднократно шла речь выше. В обоих новообразованиях, в группе Кобылы и в фазе III губинской группы по Г. Доманьскому, отмечается присутствие характерной шлеворской керамики [37, с. 152–167]. Отмечено ее появление, также как и некоторых других шлеворских черт, в культуре Поянешти-Лукашевка [37, с. 175, 180], расположенных

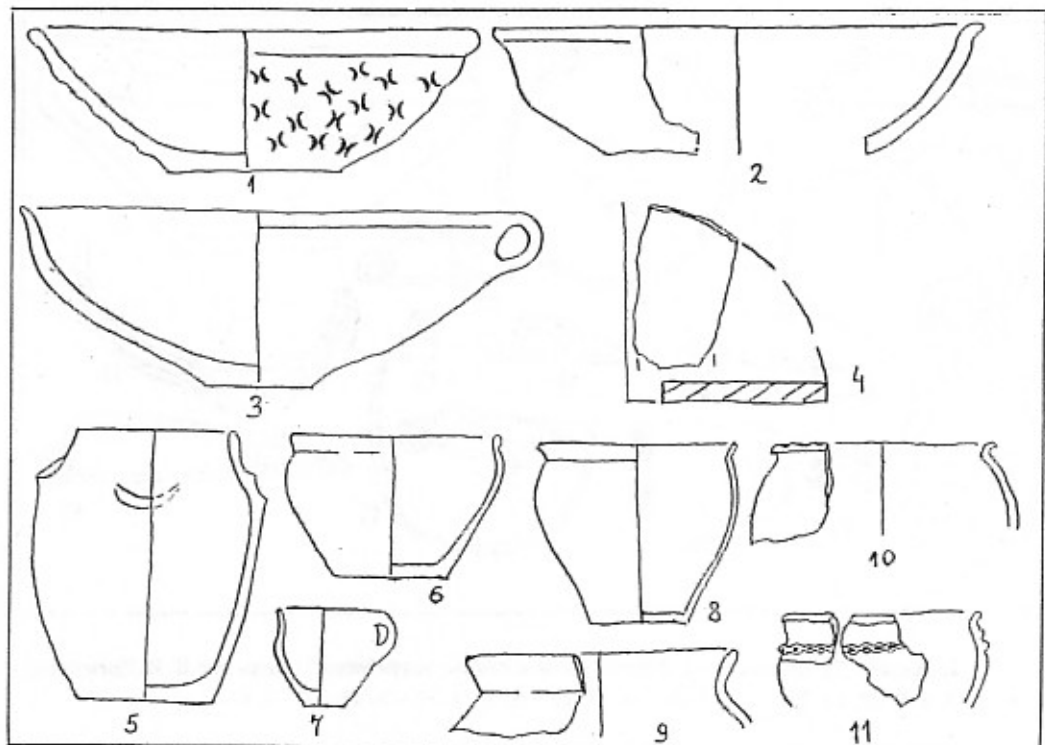

Рис. 7. Керамика черничинской группы (по Т. Домбровской и С. Чопеку). 1-4 – Черничин, 5-7 – Путневице, 8-11 – Вербковице-Которов.

далеко на юго-востоке от центра пшеворской культуры.

С другой стороны, пшеворское влияние ощущается и на северо-западе, в Ютландии. Здесь был заложен могильник Крагхеде с керамикой, напоминающей пшеворскую (рис. 6), и с ритуально испорченным оружием [55]. Самое раннее погребение A_1 дало еще обломок среднелатенской фибулы В-Костшевский, а основной датирующий материал могильника – фибулы варианта К, мечи, наконечники копий, умбоны и импортный бронзовый сосуд Эггерс-4 – синхронизирует его с фазой A_2 пшеворской культуры [37, с. 167–168].

Отмечено, что в это же время в Скандинавии достаточно широко распространяется обряд погребения с оружием, хотя такого скопления пшеворских черт, как в Крагхеде, нет, пожалуй, больше нигде. Тем не менее очевидно, что происходит явное ожив-

ление контактов жителей Скандинавии – носителей периферийных групп ясторфской культуры – с континентом во время, приблизительно соответствующее походам кимбров и тевтонов. Контакты, вероятно, были двусторонними, хотя проникновение выходцев с севера на юг прослеживается с меньшей очевидностью, чем в более раннее время, во второй половине – конце III в. до н. э., в период переселений бастарнов и родственных им племен [37, с. 192–197].

Одним из свидетельств таких контактов, и даже передвижений какой-то группы ясторфского населения, могут оказаться памятники недавно открытой на Любельщине черничинской группы (рис. 7), к сожалению, слабо исследованной и потому не имеющей надежной датировки. С. Чопек синхронизирует ее с латеном B_2-D_1 и датирует III–I вв. до н. э. Он также считает, что эта группа и является искомым связующим

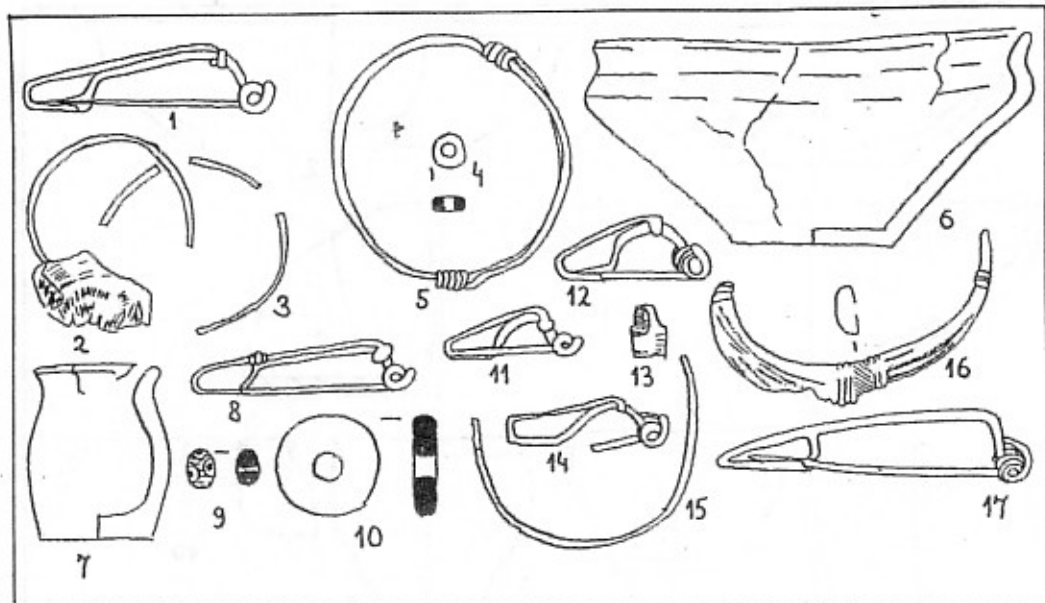

Рис. 8. Могильник Долиняны: погребения I фазы и ранние погребения II фазы (по В. Е. Еременко).
1-3 - п. 7, 4-6, 12, 13, 16 - п. 2, 7-10 - п. 13, 11 - п. 4, 14, 15 - п. 16, 17 - п. 6.

звенном между поморской и зарубинецкой культурами [34, с. 101-103]. Т. Домбровская и А. Коковский синхронизируют группу с фазами A_1 и A_2 пшеворской культуры [35; 36; 56, рис. 2, с. 186]. Все исследователи отмечают здесь и ощутимые ясторфские влияния [37, с. 197-198].

Новый приток ясторфского населения в поянешти-лукашевскую культуру фиксируется закладкой могильника Долиняны на Буковине [21], в ранних погребениях которого, наряду с вариантом В-Костшевский, обнаружены фибулы G/H и D/E (рис. 8). С. П. Пачкова полагает, что произошло переселение какой-то группы со среднего Одера [16], но при этом отказывается включать памятник в состав поянешти-лукашевской культуры. Другие исследователи [21; 29; 1] такого исключения не делают, а Т. Домбровская не считает возможным определить исходный пункт движения этого населения точнее, чем вся территория ясторфской культуры [37, с. 180].

Какие-то подвижки населения накануне походов кимбров и тевтонов произошли

и в области зарубинецкой культуры, причем довольно заметные: здесь образовалась новая, верхнеднепровская группа, наиболее исследованным памятником которой является могильник Чаплин [3]. Самая ранняя датирующая находка могильника - фибула варианта D/E, сочетающаяся с фибулой В-Костшевский в погр. 122 (рис. 9: 21). В корреляционных таблицах, правда, выделяются еще две предшествующие фазы, так что закладка могильника произошла несколько раньше, но это событие все же позже закладки могильников на Полесье и в Среднем Поднепровье [1; 3]. Примечательно, что одновременно с фибулами, диагностирующими фазу „с” позднего предримского времени, в Чаплине появляются наконечники копий и дротиков, аналогичные оксывским (рис. 10: 37-39). Раньше в зарубинецких погребениях никогда не появлялось оружие.

Не менее любопытно, что материалы могильника Чаплин демонстрируют и явные связи оставившего его населения со скифами Нижнего Поднепровья и Крыма,

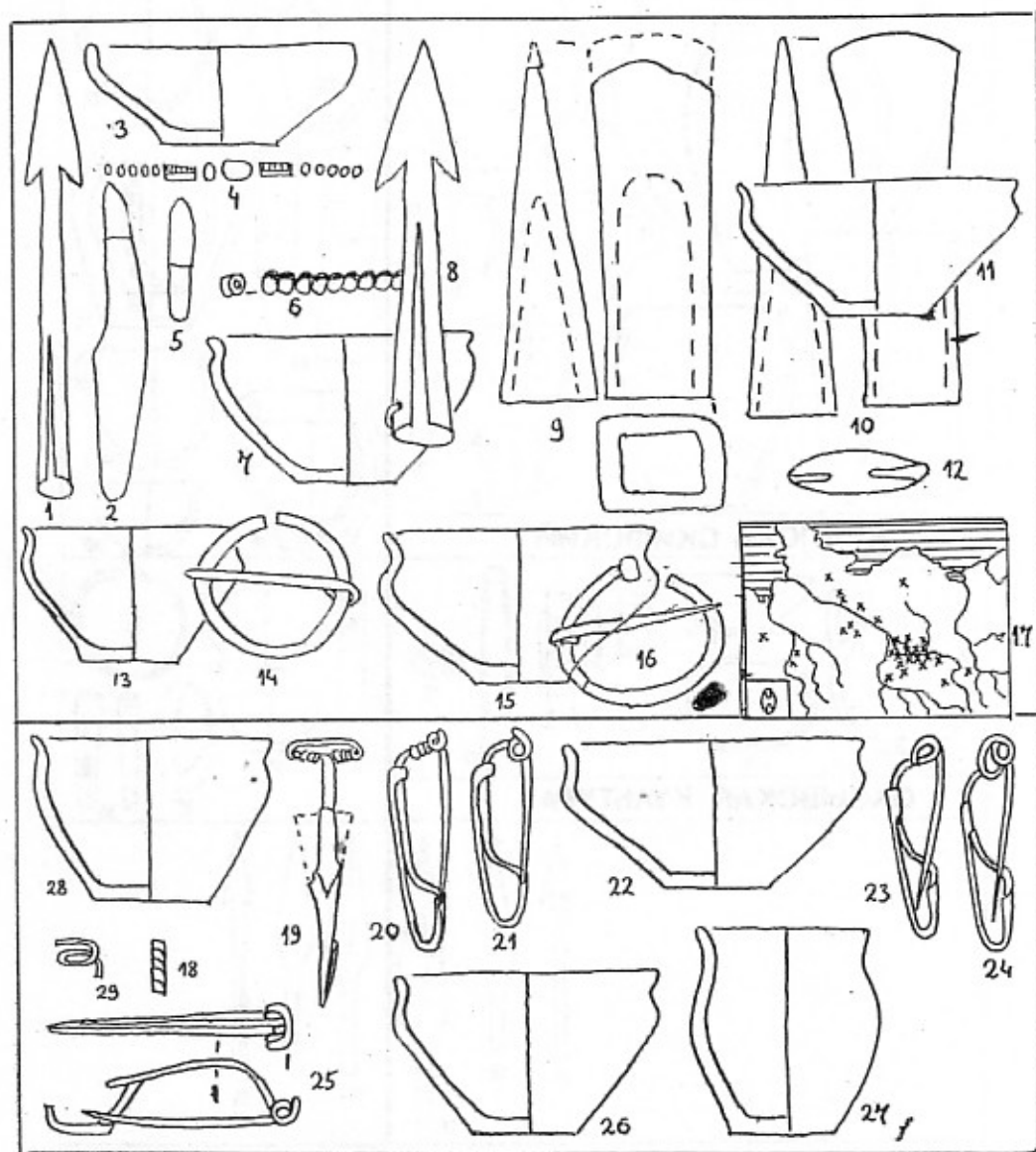

Рис. 9. Мужские погребения II фазы (1-16) и женские погребения III фазы (18-29) могильника Чаплин (по В. Е. Еременко и В. Г. Журавлеву) и распространение поясных крючков (17) (по М. Бабешу) 1-5 - п. 189, 6-8 - п. 191, 9, 13, 14 - п. 244, 10-12 - п. 236, 15, 16 - п. 194, 18, 19, 28, 29 - п. 27, 20, 21 - п. 122, 22-24 - п. 241, 25-27 - п. 89.

Рис. 10. Ясторфские, позднескифские и оксывские элементы в могильнике Чаплин (по В. Е. Еременко и В. Г. Журавлеву). 1, 8 - Гердинг, жилище II, 2, 5 - Ходде, 3 - Ходде, жилище XLIV, 4 - Хвиндеруп, 6 - Реген, 7 - Ходде, жилище XVIII, 9 - Грентофт, жилище А, 10 - Кляйн Ворнов, 11-16 - Неаполь Скифский: 11 - мог. 75, 12, 14 - мог. 4, 13, 15 - мог. 54, 16 - мог. 34; 17 - Варшково, 18 - Пулхлеб, 19 - Жатки; 20-39 - могильник Чаплин: 20 - п. 125, 21, 35 - п. 7, 22 - п. 147, 23, 24 - п. 136, 25 - п. 18, 26, 37 - п. 36, 27 - п. 144, 28 - п. 233, 29 - п. 235, 30 - п. 75, 31 - п. 261, 32 - п. 58, 33 - п. 259, 34 - п. 222, 36 - п. 77, 38 - п. 134, 39 - п. 189.

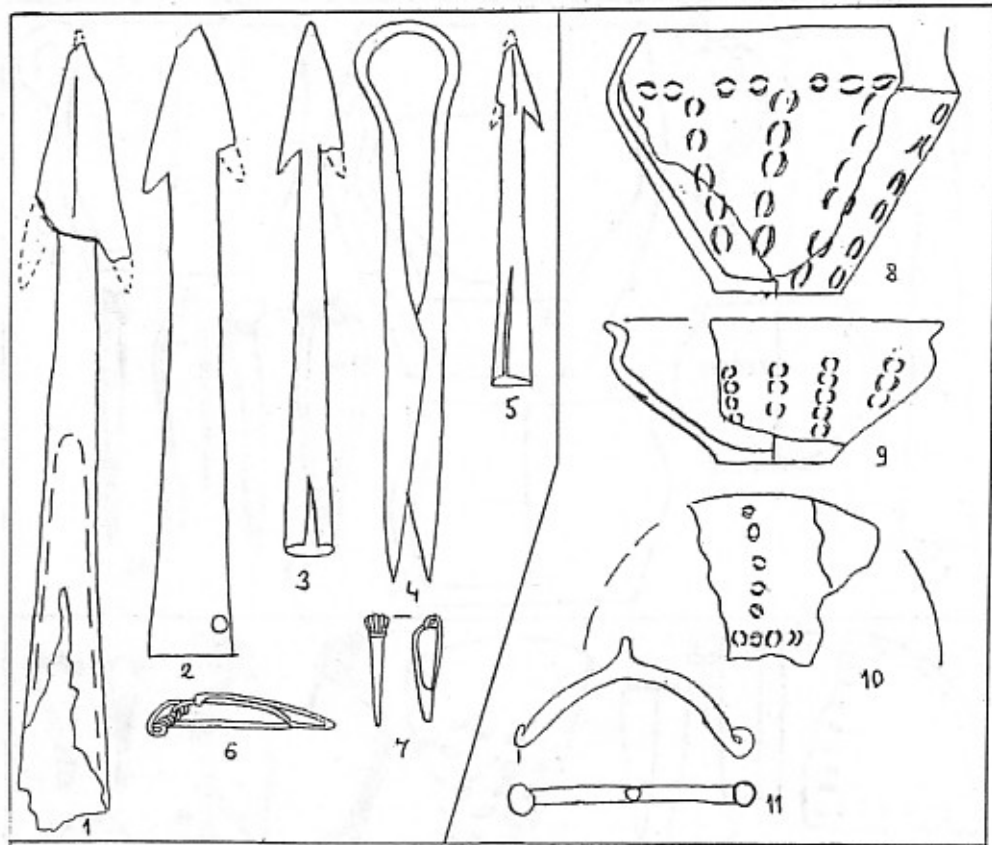

Рис. 11. Западные элементы фазы „с” позднего предримского времени в лесной зоне (1-7) и на поселениях верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (8-11). 1 - Жлобин, 2 - Струмень, 3 - Августово, 4 - Кострица, 5 - Заговалино, 6 - Городок, 7 - Малышки, 8 - Горшков, 9-11 - Чаплин.

причем более тесные и оживленные, чем у лежащей гораздо ближе к низовьям Днестра среднеднепровской группы.

К появлению позднескифского компонента могут быть отнесены нагубник, оселки-точила, игольник, а также, возможно, подковообразные фибулы, браслеты со скользящим замком, сосуды на кольцевых поддонах и миски с загнутым внутрь венчиком (рис. 10: 31-36). Аналоги этим вещам обнаружены в могилах Неаполя Скифского, датированных фибулами среднелатенской конструкции и неапольского варианта (рис. 10: 11-16), относящихся как раз ко времени активной деятельности Митридата

Евпатора [1; 2; 3]. Не получаем ли мы археологическое подтверждение того процесса смешения „кельтов” и скифов, о котором сообщает Посидоний?

Нельзя не обратить внимания на наличие в Чаплине и некоторых ясторфских компонентов, всего выразительнее представленных небольшими поясными скрепами с крючками с обих сторон (рис. 10: 20, 24). Основной ареал их распространения лежит на средней Эльбе (рис. 9: 17) [29, рис. 10].

Некоторые формы верхнеднепровской керамики (рис. 10: 21-30) сопоставимы с керамикой Ютландии периодов II (III-II вв. до н. э.) и в особенности IIIа

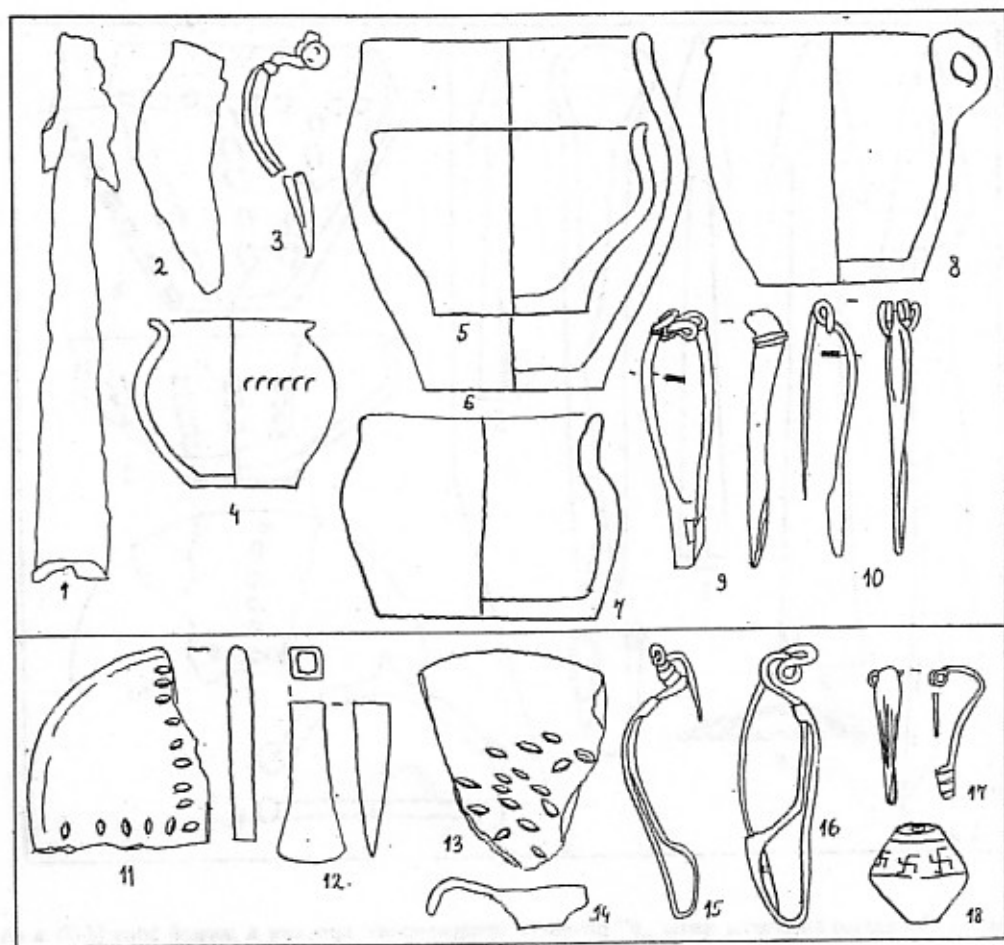

Рис. 12. Западные элементы фазы „с” позднего предримского времени на зарубинецких памятниках Полесья (1–10) и Среднего Поднепровья (11–18). 1, 2 – Велемичи I, п. 116, 3 – Велемичи I, п. 109, 4 – Воронинно, п. 31, 5, 6, 8, 10 – Семурадцы, п. 21, 7, 9 – Семурадцы, п. 20, 11, 14 – Таценки, 12 – Бортнич, 13 – Пилипенкова Гора, 15 – Зарубинцы, 16 – Вишенки, 17 – Бабина Гора, 18 – Басовка.

(II в. до н. э. – рубеж эр) по К. Беккеру (рис. 10: 1–9) [30; 3]. Отметим и некоторые другие элементы западного происхождения железные топоры-кельты (рис. 10: 2, 23), шпору с Чаплинского городища (рис. 11: 11), аналогичную находке из погребения 165 в Любошицах [41, табл. XIXd]. Возможно, в пшеворской и оксывской культурах следует искать истоки ямного погребального обряда могильников Чаплин и Горошков.

В двух других группах зарубинецкой культуры, полесской и среднеднепровской,

западные элементы периода, соответствующего фазе „с” позднего предримского времени или II фазе полесских могильников по К. В. Каспаровой [6, рис. 5, с. 115–116], тоже заметны, хотя и меньше. Фибулы D/E из Зарубинцев и Вишенок (рис. 12: 15, 16) [17, рис. 3: 6], фибула G/H из Велемичей II (рис. 12: 3) [8, табл. 22: 25], застёжки, близкие наухайским, из Семурадец и Велемичей II (рис. 12: 9, 10) [18, рис. 5; 6, рис. 2: 14] и в слое городища Бабина Гора (рис. 12: 17) [10, табл. XIX], оксывские копьё в Велеми-

чах I [8, табл. 23: 1, 11] (рис. 12: 1), горшочек оксывского облика с ногтевыми вдавлениями по плечу из Воронино (рис. 12: 4) [8, табл. 40: 41], фрагменты глиняных сковородок с ногтевым орнаментом на городище Пилипенкова Гора (рис. 12: 11, 13) [9, табл. XII: 11, XXI: 15] и фрагмент железной бритвы оттуда же (рис. 12: 14) [9, табл. XIII: 13].

Не исключено, что северо-западные контакты осуществлялись по новому пути, маркировать который могли бы некоторые находки в лесной зоне (рис. 11: 7) – позднелатенские дротики, ножницы и фибулы с городищ днепро-двинской культуры [19, рис. 65: 25, 97: 1–2; 25, рис. 37: 2–3; 70, рис. 10], дротик и фибула, напоминающая наухаймскую, с городищ со штрихованной керамикой Средней Белоруссии, аналогичные находки копий и дротиков в Литве и Калининградской области [14, с. 37].

Заключение. Мы не знаем, какого рода контакты и взаимодействия скрываются за всеми отмеченными выше археологическими явлениями – были ли это одноразовые передвижения отдельных племен, или постепенное просачивание переселенцев в инородную среду, разведывательные или грабительские походы небольших отрядов, дипломатические миссии с установлением торговых и союзнических отношений и т. д. Возможна масса различных вариантов. Но сам факт наличия контактов прослеживается совершенно отчетливо, и в результате „третий мир” древней Европы предстает перед нами значительно более тесно взаимосвязанным, чем могло бы показаться с первого взгляда. Взаимные культурные импульсы пронизывают его от Ютландии до Поднепровья, от Мазовии до Майна, причем если пшеворский импульс направлен преимущественно на запад, то ясторфский более ориентирован на восток (рис. 13).

Культурные изменения, происходящие на рубеже ранней и средней фаз позднего предримского времени в „третьем мире”, и отмеченные движения населения могли бы свидетельствовать о нестабильности об-

становки, но нужно заметить, что эти перемены не идут в сравнение ни с изменениями, произошедшими в латенской культуре на рубеже среднего и позднего латена, где возник новый тип общества, ни с потрясениями, обрушившимися на „третий мир” столетием раньше. Поэтому брожения, происходившие внутри последнего, быть может, скорее содействовали его стабилизации и объединению.

Совокупность данных письменных источников и археологии как будто демонстрирует с достаточной убедительностью, что походы кимвров и тевтонов должны были бы осуществляться объединенными усилиями населения „третьего мира”. А тогда история с походами кимвров и тевтонов предстает в несколько ином свете, нежели ранее. И планы Митридата Евпатора – объединение всех варваров Европы на борьбу с Римом – зародились, видимо, не случайно: путь из Причерноморья в Италию через Герцинский лес был открыт участниками походов кимвров и тевтонов.

Мы не знаем ни деталей организации союза, возглавляемого кимврами и тевтонами, ни района концентрации их сил перед походом, ни поводов, ни реальных причин их нападения на Кельтику. Хотя о последних можно и догадаться. Достаточно пересмотреть археологические карты, чтобы убедиться – все латенизированные культуры того времени, конца II – начала I в. до н. э., представлены наиболее густой сетью памятников. Вполне можно представить себе относительную перенаселенность этих земель. Избыточное население, по преимуществу, видимо, молодежь, и было вовлечено, вероятно, в мероприятия кимвров и тевтонов.

Были возможны и другие причины, в частности климатические изменения или истощение почв. К сожалению, нам неизвестны работы палеогеографов, специально посвященные этому сюжету. Кроме того, климатические изменения протекают, как правило, в замедленном темпе, а их демографические результаты часто запаздывают и носят взрывной характер. С определе-

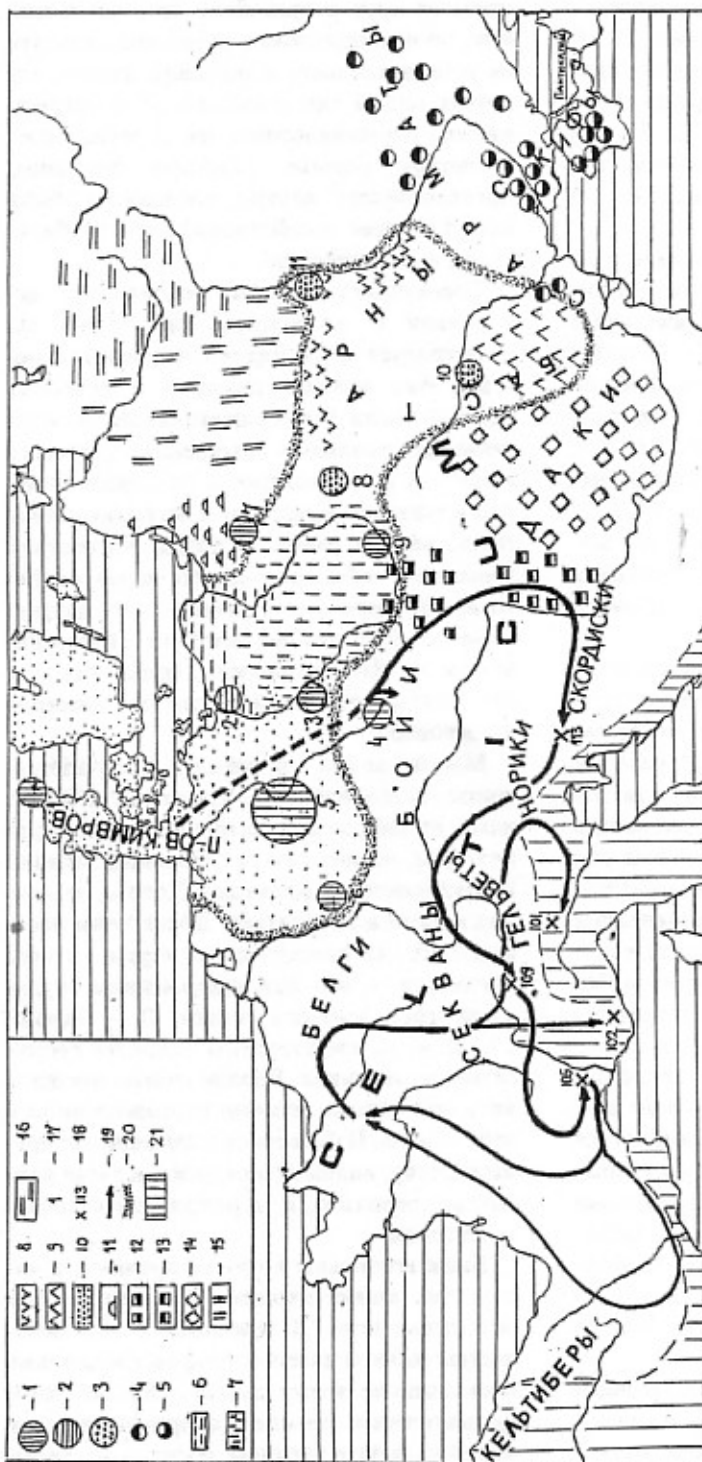

Рис. 13. Походы кимвров и тевтонов и археологические культуры „третьего мира” конца II в. до н. э. 1-3 - зоны культурных инноваций: 1 - зоны „шлеворизации”, 2 - „оксывизации”, 3 - „ясторфизации”; 4 - сарматские памятники, 5 - позднесарматские памятники, 6 - оксывская культура, 7 - шлеворская культура, 8 - зарубиенская культура, 9 - понянти-лукавская культура, 10 - ясторфская культура, 11 - культура западнобалтийских курганов, 12 - пузовская культура, 13 - земплинская культура, 14 - дакийская культура, 15 - культура штрихованной керамики, 16 - днепро-двинская культура, 17 - зоны культурных инноваций: 1 - группа Крагхеде, 2 - надодерская группа ясторфской культуры, 3 - шлеворская фаза губинской группы, 4 - ясторфско-шлеворско-кельтская кобыльская группа, 5 - скотлене памятники с шлеворскими чертами на Среднем Рейне, 6 - ясторфско-шлеворская черничинская группа, 9 - кельто-шлеворская тынцкая группа, 10 - могильник Долины, 11 - верхнеднепровский вариант зарубиенской культуры; 18 - даты сражений: 113 г. до н. э. - при Норее, 109 г. - в верховьях Роши, 105 г. - при Араузоны, 102 г. - при Акхах Секстиевых, 101 г. - при Верцеллах; 19 - основные направления походов кимвров (по данным письменных источников), 20 - зона археологических культур „третьего мира”, 21 - границы Римской республики около 120-х гг. до н. э.

нием хронологии климатических явлений палеогеографы вынуждены обращаться к тем же данным истории и археологии. Получается „порочный круг”, хотя некоторые уточнения и конкретизацию процессов палеогеографические наблюдения, конечно, могли бы привести.

Не исключено, что новая волна движения сарматов, достигшая Причерноморья в середине или конце II в. до н. э., тоже сыграла определенную роль в устремлении населения „третьего мира” на запад. В 109 г. до н. э. представители этой волны – рексиналы-роксоланы – выступали на стороне скифов против Диофанта, полководца Митридата Евпатора, и были им разбиты [13; 70, p. 101–102].

Примечательно, в частности, что со ступени латена D₁ и синхронной фазы „с” позднего предримского времени в Европе появляются шпоры. Это явное свидетельство более широкого боевого применения коня в Барбарикуме, произошедшего, возможно, не без сарматского влияния, хотя сами шпоры – изобретение европейское, кочевники, как всадники более умелые, шпорами не пользовались.

С роксолано-аоресской волной сарматского движения в Причерноморье появляются серебряные фалары „греко-бактрийского” стиля, разнесенные по степям, вероятно, участниками разрушения Греко-Бактрийского царства в 165–135 гг. до н. э. [22; 23; 20; 70, p. 96–97]. А некоторые изделия этого стиля зафиксированы в Западной Европе: диск из Хельдена в Голландии, клад с острова Сарк на Ла-Манше, находка в римском лагере Оберхаузен, существовавшим с 12 по 9 г. до н. э. (сам диск, вероятно, изготовлен раньше). Особенно же близок „греко-бактрийским” изделиям диск с изображением митраистского быка, укрепленный на доньшке известного кельтского котла из Гундеструпа, считавшегося изготовленным где-то в кельто-дакийском пограничье, возможно, во время пребывания кимвров в землях скордисков. Кроме того, в Кабинете медалей Национальной библиотеки Парижа хранятся два диска, на одном из которых греческая надпись – по-

священие Митридата Евпатора богине Артемиде [60, p. 134, fig. 214–215].

Все эти находки могут быть или свидетельством контактов участников походов кимвров и тевтонов с сарматами в Причерноморье, или частью дипломатических даров Митридата Евпатора, пытавшегося завязать отношения с кимврами, галатами и скордисками [Justin, XXXVIII, 5–7] накануне последнего тура римско-понтийских войн 68–66 гг. до н. э.

Но Митридат явно запоздал. Войско кимвров было разгромлено под Верцеллами, многие погибли, масса попала в рабство, а остальные участники походов, вернувшиеся в родные места в разных уголках „третьего мира”, вряд ли могли представлять сколько-нибудь внушительную силу.

Некоторые участники походов, избежавшие гибели и рабства, сумели все-таки принести с собой часть трофеев, которые посвятили своим богам, бросив в омуты. К числу таких болотных находок в Дании относится и упомянутый котел из Гундеструпа, и кельтский котел из Бро, изготовленный еще в IV–III вв. до н. э. (вероятно, результат разграбления одного из святилищ Кельтики), котел из Рынкебы, кельтские колесницы из Дайбьерга и Хюсби и некоторые другие [55; 67; 60, fig. 202, 222, p. 129, 138]. Скопление таких священных даров именно в Дании, быть может, подтверждает свидетельство Страбона и Плиния о том, что сами кимвры были выходцами из этой части „третьего мира”.

Следует отметить, что бронзовая римская посуда, обнаруженная не только в Дании, но и на территории пшеворской культуры, сочетается в погребениях с фибулами фазы „с” позднего предримского времени [37, с. 205–214; 4, табл. 4]. Она тоже может быть отнесена к добыче участников походов. Самые ранние римские монеты, обнаруженные на территории Польши, тоже синхронизируются со временем активности кимвров и тевтонов (например, [59, № 15, 34, 46, 77, 79/1]). Свидетельством контактов с носителями зарубинецкой культуры или, скорее, со скордисками, может быть „копьевидная” среднелатенская фибула из

Хольте в низовьях Эльбы [72], а короткое пребывание кимвров в Северной Италии после битвы при Норес или накануне Верцеллы может маркировать фибула типа Ченизола, обнаруженная на поселении пшеворской культуры Иголоме-Зофиполь под Краковом [79].

Мы не знаем, имели ли какое-либо отношение к тевтонам такие топонимы, как Тевтобургум на среднем Дунае [40, рис. 51] или Тевтобургский лес на нижнем Рейне, где в 9 г. н. э. германцы вырезали три легиона Квинтилия Вара.

В целом же можно констатировать, что первое столкновение двух цивилизаций, античной и кельтской, с объединенными силами „третьего мира” закончилось для последних неудачно. Разгром кельтской цивилизации был отсрочен на 40–50 лет, а римской – намного больше. Впрочем, как говорилось, варвары такой задачи себе еще и не ставили.

Привлечение данных археологии для решения проблем походов кимвров и тевтонов оказалось не бесполезным. События предстали в несколько ином свете, в единую картину связались свидетельства, казавшиеся или несуразными, или не имеющими к данному сюжету отношения. Дальнейшее накопление материалов, и прежде всего разработка более точной хронологии, сможет, вероятно, помочь в уточнении еще многих деталей (в первую очередь, необходимостью становится разделение фазы „с” позднего предримского времени и латена С₂ на более дробные отрезки, что уже в какой-то мере и намечается – см. [1]), хотя выйти за рамки гипотетичности нам, скорее всего, не удастся – такова уж природа археологических источников.

1. Еременко В. Е. „Кельтская вуаль” и заруби-
нецкая культура. – СПб, 1997.

2. Еременко В. Е., Берлизов Н. Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // I Кубанская археологическая конференция / Тезисы докладов. – Краснодар, 1989.

3. Еременко В. Е., Журавлев В. Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского вариан-

та зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени (ПАВ 1) – СПб, 1992.

4. Еременко В. Е., Щукин М. Б. Современное состояние хронологии латена и позднего предримского времени // АСГЭ. – 1998. – [Вып.] 33.

5. Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. – 1981. – № 2.

6. Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. – 1984. – [Вып.] 25.

7. Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. – 1960. – № 1.

8. Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. – 1961. – Вып. Д1–29.

9. Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже н. э. – Киев, 1972.

10. Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. – Киев, 1982.

11. Мачинский Д. А. О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. – М., 1965.

12. Мачинский Д. А. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. – М., 1966.

13. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // АСГЭ. – 1974. – [Вып.] 16.

14. Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии. – Минск, 1978.

15. Молев Е. А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. – Саратов, 1974.

16. Пачкова С. П. Про культурну належність могильника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині // Археологія. – 1984. – [Вип.] 47.

17. Петров В. П. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки в 1899 г.) // МИА. – 1959. – № 70.

18. Пობоль Л. Д. Древности Туровщины. – Минск, 1969.

19. Пობоль Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. – Минск, 1983.

20. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984.

21. Смирнова Г. И. Могильник типа Поянешти-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА. – 1981. – № 3.

22. Спирын А. А. Фалары Южной России // ИАК. – 1909. – [Вып.] 29.

23. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. – М.; Л., 1940.

24. Утченко С. Л. Юлий Цезарь. - М., 1976.
25. Шадыро В. И. Ранний железный век Северной Белоруссии. - Минск, 1985.
26. Широкова Н. С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. - Л., 1989.
27. Шукин М. Б. Третий мир Древней Европы // Знание-сила. - 1986. - № 4.
28. Almgren O. Studien über die nordeuropäische Fibelformen. - Leipzig, 1923.
29. Babeş M. Date arheologice și istoria privind partea de nordest a Daciei în ultimele secole înainte de erei noastre // SCIVA. - 1985. - Т. 36. - N. 3.
30. Becker C.-J. Førrromersk jernalder i Syd- og Midtjylland. - København, 1961.
31. Beltz R. Die Latènefibeln // Zeitschrift für Ethnologie. - 1911. - Bd 43.
32. Cabalska M. Bemerkungen zur Püchov-Kultur in Polen. Forschungsgeschichte und Forschungsstand // Prace archeologiczne. - 1978. - Z. 26.
33. Collis J. Defended Sites of the Late La Tène // BAR. - 1975. - Suppl. Ser. - Т. 2.
34. Czopek S. Kultura pomorska a kultura zarubinięcka. Z badań nad schyłkową fazą kultury pomorskiej we wschodniej Lubelszczyźnie // Memoires archeologiques. - Lublin, 1985.
35. Dąbrowska T. Kultura zarubinięcka i czerniachowska // MPZP. - 1974. - Cz. V. - Z. 4.
36. Dąbrowska T. Kultura zarubinięcka // PZP. - 1981. - Т. V.
37. Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. - Warszawa, 1988.
38. Dämmer H.-W. Die bemalte Keramik der Heuneburg // Römisch-germanischen Forschungen. - 1978. - Bd 37.
39. Die Germanen. - Berlin, 1976.
40. Die Germanen. - Berlin, 1988.
41. Domański G. Studia z dziejów środkowego Nadodrza III-I wieku przed n. e. - Wrocław etc., 1975.
42. Domański G. Związki środkowego Nadodrza z nadfąbskim kręgiem kulturowym w okresie lateńskim i wpływów rzymskich // Przegląd archeologiczny. - 1983. - N. 31.
43. Flouest J.-L., Stead J. Recherches sur des cimeries de La Tène en Champagne (1971-1976) // Gallia. - 1977. - Т. 35. - Fasc. 1.
44. Godłowski K. Studia nad stosunkami społecznymi w okresie późnolateńskim i rzymskim w dorzeczu Odry i Wisły. Proba interpretacji cmentarzysk. - Warszawa-Wrocław, 1960.
45. Godłowski K. Okres lateński w Europie // Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. - 1977. - Cz. 4.
46. Godłowski K. Zu Besiedlungsveränderungen in Schlesien und den nachbarräumen während der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // Prace archeologiczne. - 1978. - Z. 26.
47. Grünert H. Früheste Germanen in süden der DDR // Ausgrabungen und Funde. - 1958. - Bd 3.
48. Hachmann R. Jastorf-Funde ausserhalb der Jastorf-Kultur // Die Kunde. - N. F. - 1957. - Bd 8.
49. Hachmann R. Ostgermanische Funde der Spätlatènezeit in Mittel- und Westdeutschland // Archaeologica Geographica. - 1957. - Bd 6.
50. Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // BRGK. - 1961. - Bd 41.
51. Hachmann R., Kossack G., Kühn H. Völker zwischen Germanen und Kelten. - Neumünster, 1962.
52. Haffner A. Zur absoluten Chronologie der Mittellatènezeit // Archäologisches Korrespondenzblatt. - 1979. - Jg. 9. - Hf. 4.
53. Hollstein E. Mitteleuropäische Eichenchronologie // Trierer dendrochronologische Forschungen zur Archäologie und Kunstgeschichte / Trierer Grabungen und Forschungen. - 1980. - Bd 11.
54. Kietlińska A. Struktura społeczna ludności kultury przeworskiej // Materiały Starożytne. - 1963. - Т. 9.
55. Klindt-Jensen O. Foreign Influences in Denmark's Early Iron Age // Acta Archaeologica. - 1949. - Т. 20.
56. Kokowski A. Stan i potrzeby badań nad młodszyim okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich na Lubelszczyźnie // SPB. - 1986.
57. Kostrzewski J. Die ostgermanische Kultur in der Spätlatènezeit. - Leipzig, 1919.
58. Krämer W. Manching II. Zu den Ausgrabungen in der Jahren 1957 - 1961 // Germania. - 1962. - Jg. 40.
59. Kubiak S. Znaleziiska monet rzymskich z Mazowsza i Podlasia. - Wrocław etc., 1979.
60. Megaw J.-V.-C. Art of the European Iron Age. - Bath, 1970.
61. Müller R. Eine spätlatènezeitliche Siedlung von Kleinkayna, Gem. Grosskayna, Kr. Merseburg // Jahrschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. - 1983. - Jg. 66.
62. Niewęglowski A. Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przełomie er. - Wrocław, 1981.
63. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. - Wrocław, 1973.
64. Peschel K. Frühe Waffengraben im Gebiet der südlichen Elbgermanen // Symposium Ausklang der Latène-Zivilization und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet. - Bratislava, 1977.
65. Peschel K. Anfänge germanischer Besiedlung im

Mittelgebirgsraum. Sueben-Hermunduren-Markomannen. – Berlin, 1978.

66. *Pieta K.* Stand und Notwendigkeiten der Erforschung der Püchov-Kultur // SPB. – 1986.

67. *Raddatz H.* Das Wagengrab der jüngeren vorrömischen Eisenzeit von Husby, Kr. Flensburg // Offa-Bücher. – 1967. – Bd 20.

68. *Schindler R.* Die spälatène Burgen von Landscheid, Wiensbach und Ehrang // Trierer Zeitschrift. 1969. – Bd 32.

69. *Schlette F.* Frühe Völker in Mitteleuropa. Archäologische Kulturen und ethnische Gemeinschaften des I. Jahrtausends v. u. Z. // Frühe Völker in Mitteleuropa. – Berlin, 1988.

70. *Shchukin M. B.* Rome and barbarians in Central and East Europe in I-st Century B. C. – I-st Century A. D. // BAR. – Internat. Ser. – 1989. – N 542.

71. *Stöckli W. E.* Die Grob- und Importkeramik von Manching // Die Ausgrabungen im Manching. – 1979. – Bd 8.

72. *Tackenberg K.* Eine Fibel südrussischer Form mit Mittellatèneschema von der Elbmündung // Die Kunde. – 1963. – Bd 14.

73. *Todorovič J.* Skordisci: istorija i kultura // Monumenta Archaeologica. – 1974. – T. 2.

74. *Todorovič J.* Kimbri u zemji Skordisca // Zbornik radova Narodnog Muzeja. – 1974. – T. VII.

75. *Venclová J.* Otažki etnické příslušnosti podmokelské a kobylské skupiny // Archeologické Rozhledy. – 1973. – T. 25.

76. *Voigt Th.* Zwei Formengruppen spälatènezeitlichen Gürtel // Jahrbuch des Mitteldeutschen Vorgesichte. – 1971. – Bd 55.

77. *Vries J.* Kimbren und Teutonen (Ein Kapitel aus den Beziehungen zwischen Kelten und Germanen // Erbe der Vergangenheit. Festgabe für Karl Helm zum 80. Geburtstag. – Tübingen, 1951.

78. *Waldhauser J.* Beitrag zum Studium der keltischen Siedlungen, Oppida und Gräberfelder in Böhmen // Les mouvements celtiques du Ve au Ier s. av. n. e. – Paris, 1979.

79. *Werner J.* Die Naucheimer Fibel // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. – 1955. – Jg. 2.

80. *Wołagiewicz R.* Der östliche Ausdehnungsbereich der Jastorf-Kultur und sein siedlungsgeographisches Verhältnis zur Pommerischen Gesichtsurnenkultur und der jüngeren vorrömischen Unterweichselgruppe // Zeitschrift für Archeologie. – 1968. – Nr 2.

81. *Wołagiewicz R.* Kultura pomorska a kultura oksywska // Problemy kultury pomorskiej. – Koszalin, 1979.

82. *Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce. – Wrocław, 1970.